УДК 930.1(44)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АЛЬЯНС ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ? ДИСКУССИИ ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОРИКОВ И СОЦИОЛОГОВ ПО ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Н.В. Трубникова

Томский политехнический университет
E-mail: troub@mail.ru

Рассматриваются отношения, складывающиеся между двумя смежными дисциплинами – историей и социологией во Франции XX века, которая находилась в данный период в авангарде междисциплинарных исследований.

В XX веке, в эпоху междисциплинарных союзов, наиболее сложными, и даже не лишенными драматизма, остаются во Франции отношения двух смежных наук о человеке – истории и социологии.

На первый взгляд, в этом сюжете все давно отчетливо прописано. «Бесполезно, – сказал историк Люсьен Февр почти пятьдесят лет назад, – возвращаться к теме «история и социология». Мы ее всю изучили, с восьмью повторами и в едином духе» [1. С. 1435].

Между тем, в эпоху глобальных пересмотров и рухнувших парадигм практическая эпистемология Февра, раз и навсегда отказавшегося от схоластических споров и отважно защищающего «территорию историка», оказалась надежной отправным пунктом для возобновления старых дискуссий, пытающихся поделить пространство методов и эмпирических материалов между историками и социологами.

Историографический экскурс в существо проблемы позволит понять, как тупики старого противостояния оказываются способными определить общую стилистику и направленность междисциплинарного взаимодействия для целого века.

Первый дебат завязался еще на рубеже XIX–XX веков, его знаменосцами выступили социолог Франсуа Симиан и историк Шарль Сеньобос, от которых и будут унаследованы следующими поколениями основные черты полемики и аргументации. Основной точкой опоры в нем был взаимный отказ признать научную легитимность другой дисциплины.

Общеизвестно, что «историзирующие» историки признавали за своей дисциплиной только качество определенной техники анализа текстов, которая, по Сеньобосу, еще слишком эмбриональна для того, чтобы претендовать на объясняющий синтез [2]. Это убеждение основывалось на том, что ее объектом всегда является отдельный индивид, и понять его намерения – надежда иллюзорная, и уж тем более невозможно вывести из этого обобщающие законы. Следовательно, по тем же причинам, и социология не может претендовать на высокий титул науки. Она должна даже подчиняться истории, потому что опирается на исторические документы и критический метод, изобретенный историками.

Социологи развивают диаметрально противоположную аргументацию, которую впервые формулируют «Правила социологического метода» Эмиля Дюркгейма, увидевшие свет в 1895 г [3]. Острие критики историков составляет здесь упрек в крайнем номинализме, при котором утверждается уникальность каждого опыта прошлого и отказ от любой генерализации. На самом деле, утверждает Дюркгейм, изучение общества позволяет выявлять общие законы, так же, как в физике, но при условии, что социальные факты «будут изучаться, как вещи», то есть в отрыве от субъективных и случайных данных. Пренебрегая единичными элементами, характерными для той или другой эпохи, можно внедрить компаративистский метод. Анализируя диапазон событийных вариаций, исследователь может обнаружить инвариантные отношения и вывести научные законы. Значит, изучать все относительные факты, как делают историки – бесполезно, достаточно хорошо отлаженного единственного наблюдения, чтобы выявить закон. В своем основополагающем принципе социология взывала к теоретическому синтезу разрозненных данных, ограниченных сферами пространства и частными секторами деятельности, а также зачастую сильно нагруженными требованиями индустриального развития или административными нуждами государства [4. С. 225–226].

Таким образом, компаративизм здесь выступает как средство обобщить другие дисциплины, выступающие в качестве тематических блоков, или экспериментальных полей, обеспечивающих ей материал для конструирования законов. Франсуа Симиан, продолживший эту аргументацию [5. С. 1–22], заключает: «Как автономная самодостаточная наука, история не имеет причин быть и ей суждено исчезнуть».

Сам стиль данной полемики диктовался тем обстоятельством, что социологи, вышедшие на самостоятельное поле деятельности из лона философии, пытались создать собственную модель науки и собственную институциональную нишу. Историки, не имеющего, в силу специфики нефилософского образования, вкуса и способности к теоретическим рассуждениям, выглядели на их фоне «эпистемологически наивными». Понимая в качестве науки модель наук о природе, они вынуждены были отказывать своей дисциплине в научном престиже. Раз история не способна открывать законы, она довольствовалась своей скромной, методической ролью, в то время как социологи смогли найти отличный от философской культуры язык, позволяющей убедить часть интеллектуального сообщества в «научности» своей практики.

Другим полюсом дискуссии борьба за определение самого понятия «социального». Для социологов отстоять самостоятельность сферы социального было делом выживания. Дюркгейм, в действительности, предлагал историкам скорее сотрудничество, чем битву. Но Шарль Сеньобос и уже упомянутый выше Анри Озе [6] стремились, в свою очередь, включить сферу социального в качестве нового тематического поля истории. Эпоха поистине переживала упоение социальным. Дискуссия развернулась в сторону того, возможны ли социальные науки во множественном числе или социальное должно существовать в единственном научном проекте, – где социология станет королевой наук. Логические связки этой дискуссии вполне прозрачны – социологи против историков, детерминизм против свободы, теоретизм против эмпиризма, единство против разнообразия, амбициозность против скромности, догматизм против наивности. Вот сфера взаимных упреков, в которой будут существовать все последующие поколения спорщиков.

Используя аргументацию Симиана в борьбе с эмпиризмом позитивистов, в практике исторического исследования Февр однако остается много ближе ко вторым. Основой конструкции исследования остается введение и продвижение исторических документов. Та же задача движет исследовательскими практиками «второго» и «третьего» поколения Анналов, что было блестяще и непредвзято доказано книгой современного американского постструктуралиста Филиппа Кэррэрда [7]. Таким образом, культивируемый Анналами разрыв с наследием историков-позитивистов приобретает черты противостояния поколений, борьбы за интеллектуальное влияние, но не фактических техник исторического ремесла, очень постоянных в своей основе. Иными словами, специфической чертой исторического сообщества, чего не избежали и сотрудники Анналов, состоит в «тирании архива», в той подавляющей роли, которую архив играет в определении объекта и метода исследования.

Февр призывал реконструировать внутренний мир человека прошлого (рассуждая о "ментальном инструментарии"), но исходил при этом отнюдь не из логики Дюркгейма, а из обычной для цеха историков практики. Для социологов это отсутствие «теоретической проработки» было очевидно: так Франсуа Симиан в свое время упрекал историков, в частности, Анри Озе, что их понятие социальной связи представляет собой произвольное объединение предзаданных уровней реальности, достигающих некой исторической цельности благодаря, скорее, академической привычке, чем ясной логической операции. То есть логика Февра остается много более близкой к Сеньобосу, и к герменевтическому вдохновению «досоциологической» эпохи, чем принято думать.

Предметом главной озабоченности Февра точно также, как Фюстеля де Куланжа или Шарля Сеньобоса, является представление о принципиальной инаковости прошлого, его непроницаемости для современного взгляда. Личной одержимостью Февра в этой связи стала боязнь анахронизмов. Чтобы избежать модернизаций прошлого – необходимо воссоздать дух эпохи, выявить ее органическую связность, и именно эта цель формулирует само понятие социальной истории. В этом смысле Февр оказывается неожиданно близок к Вильгельму Дильтею, на которого он никогда не ссылался.

Социологи же решительно порывают с герменевтикой. Несходство Дюркгейма и Февра иллюстрирует, например, разница в подходе к исследованиям религии. Если социолога интересовал поиск внутренней закономерности, обеспечивающей постоянство феномена религии, то историк концентрировался на различиях, характеризующих типы религиозного чувства в разных обществах.

Может прозвучать возражение – не имея выраженного определения, социальная история проявила себя ярче во Франции, чем где-то еще, благодаря созданию Анналов, воплотивших в исторической науке программу Дюркгейма и решительно порвавших с канонами "историков-методистов". Часто даже говорят и о "корперниканской революции "Анналов". Однако на деле связи отцов-основателей журнала с социологическим проектом не выглядят столь однозначными.

Междисциплинарность – средство выиграть конкуренцию в профессии, выгодно отличившись от предшественников. И в то же время – не впадая в ошибку Анри Берра – соотнести эти новшества с обыкновениями своей профессиональной среды. Отсюда выбор, сделанный Февром: критикует сухой академический язык Сеньобоса, но не заимствует абстрактного языка Симиана. Отсюда воззвания к памяти Мишле – такому далекому и близкому. Сама постановка истории-проблемы, исходит все-таки из модели Дюркгейма. Способ противостоять традиционным историкам. Объект конструируется, но лишь история – сам принцип этой конструкции.

Со временем, битва французской истории и социологии за легитимность потеряла былую остроту. Между двумя мировыми войнами право каждой дисциплины на существование уже не подвергалось сомнению. В начале 1950-х гг. историк Фернанн Бродель и социолог Жорж Гурвич вели конструктивный диалог о создании общего проекта социальных наук, который можно рассматривать как показательную антитезу полемике Симиана-Сеньобоса [8. С. 157–158]. Более того, создание 6 секции Высшей практической школы исследований, основанной на идее междисциплинарности, будет обеспечено близостью рабочих связей, развитием тематических и методологических обменов. 1960-е гг., по мнению самих французов, стали эпохой адисциплинарности или «безудержной междисциплинарности» и действительно привели к созданию ряда организаций, где между историками и социологами были установлены реальные рабочие связи, в частности, Дома наук о человеке в 1962 г. В этом проекте сотрудничества, подчиняясь административному

гению Броделя, именно история стала здесь объединяющим звеном. Коренным аргументом в этом проекте интеграции стало понятие longue durïe. Любая социальная структура все равно существует во времени и нуждается в периодизации, что обеспечивет историку главенствующую позицию. Вне времени находятся только краткосрочные структуры – только они и подлежат изучению социологии, а подлинные, «большие» структуры, всегда вписаны в конкретную реальность и наблюдаемы.

Но остались взаимные упреки и недопонимания. Рождение школы Анналов не изменило мнения учеников Дюркгейма, несмотря на смягчение полемики. Например, в журнале Гурвича, после Второй мировой войны, Роже Мель снова настаивает на разводе историков и социологов, объявляя, что отношения между ними не прояснены.

Эпоха апогея социальной истории парадоксальным образом способствовала, вместо осознания своей дисциплинарной идентичности, распылению предметного поля. Это выразилось в противостоянии, с одной стороны, сторонников экономической и социальной истории и, с другой стороны, – истории в широком смысле политической. Последняя была заклеймена как ненаучная, потому что не использовала техник количественного анализа. В итоге социальная история оказывается замкнутой между различными потоками исторического квантитативного исследования – экономической демографической и, позднее, историей ментальности) и интегрировала в своих объектах только малую часть социологической традиции, главным образом, ту, что касалась проблемы социальных групп и классов. Вспомним, что в фокусе внимания Дюркгейма оставались именно политические процессы. Отсюда, предполагает Нуарьель, из-за постоянной конфликтности ситуации, крайняя неопределенность понятия «социальная история». Как не верить, что отказ ясно определить социальную историю по отношению к понятиям и проблематике социологии – согласно модели, развиваемой демографической или экономической историй – основан на страхе обеспечить аргументами захватнические претензии социологов? Даже в 1950-е гг., несмотря на увлечение марксизмом и квантификацией, социальная история не смогла приобрести свою концептуальную и институциональную автономию [1. С. 1439–1440].

Основные парадигмы современных историков унаследованы, как известно, от эпистемологического поворота 1970-х. Отныне теоретические основания историки ищут, скорее, в философских дебатах, касающихся режимов исторического производства, нежели в социологических. Всякую претензию на «строгую научность» становится модно осмеивать как «иллюзорную» или «наивную». Мишель Фуко обвиняет социальных историков в обладании «бедной идеей реального», имея в виду скудость научного воображения, заставляющего верить в самоочевидность социальных структур и объективность, на деле всегда являющихся продуктом если не чьей-то злой воли, то, во всяком случае, изобретения и целенаправленного внедрения в социальную практику. Отныне, почти на двадцать лет, связи между историей и социологией ослабевают. И лишь с конца 1980-х гг., вследствие впечатляющего подъема социологий социального конструктивизма [9], и новой волны поисков профессиональной идентичности сообществом историков, диалог историков и социологов возобновился.

Увы, обнаружив все привычные тупики полемик предыдущих поколений. Историки вновь часто оказываются враждебны к анализу, ставящему под сомнение их власть и их интересы. Но и социологи нередко строят свой диалог, ставя под сомнение профессию историка, не позволяя вести настоящее сотрудничество. И именно во Франции это противостояние вновь принимает самую конфликтную форму.

Показательны в этом отношении рассуждения Пьера Бурдье: в эпистемологическом плане нет разницы между историей и социологией. Их необходимо объединить. Работа историка группируется вокруг двух полюсов: научного «профессионального» и «коммеморативного», предназначенного широкой публике. Но, даже «научные» исследования, близкие социологии практикуют то, что Бурдье называет стратегией «*Canada dry*»: они желают иметь социологию без социологии и особенно без социологов. Они заимствуют активно у социологов, чтобы выгодно отличаться от других историков, но при этом критикуют социологов за «догматизм». С его собственными работами поддерживают отношения, как предыдущее поколение Анналов – с Дюркгеймом. Их теоретическая культура недостаточна, заимствование социологических понятий буквально, вырвано из системы отношений. Часть историков, конечно, заинтересовано в эпистемологии. Но это потому, что из нее они черпают аргументы для обоснования гегемонистских претензий своей дисциплины или маскируют то, что они перестали заниматься эмпирическими исследованиями. Эти теоретические лакуны объясняют, в частности, почему возобновились старые споры приверженцев «структур» и «движений», в то время как его социология, разработанная в терминах поля и габитуса, позволяют превзойти данное противопоставление. И если теория до сих пор не усвоена – то исключительно в силу привычек культурной среды. Социолог не может совершенствовать социальную науку, кроме как борясь против вторжения чисто социальных принуждений в мир науки, внутренние они (университеты) или внешние (журналисты, политики) [10].

Так, начиная с Дюркгейма, французская социология отстаивает собственную парадигму, социальную науку как автономный мир, находящийся в конфликте с обществом. Действительно, такая дистанция необходима для развития знаний, что подтверждается вековым опытом развития социологии.

Но принципиальные недопонимания между социологами и историками-наследниками Блока и Броделя коренятся все же не здесь. Проблема в том, что определение исторической науки, данное Пьером Бурдье, и Марком Блоком в «Апологии истории» не совпадают. Историки, будучи в этом более социологами, чем сами социологи, понимают, что избежать «чисто социальных принуждений» не получится. Социолог меньше нуждается в признании своей среды. Само понятия «поля», делая акцент на поляризации сил, жестокая битва «доминируемых» и «доминирующих», делает идею самого профессионального сообщества иллюзорной или наивной. Бурдье не верит в настоящую научную коммуникацию.

Нуарьель настаивает на необходимости не создания общего языка, но «перевода», что надо не создавать общий язык, а «переводить» с одного на другой. Важнейшей теоретической референцией и новым способом обоснования эпистемологической автономии историков являются работы социолога Ж.-К. Пассрона. Он отстаивает, следуя веберовской традиции, для социальных наук режим научности, отличный от наук о природе. Социальные науки – всегда эмпиричны, их нельзя подвергать процедуре попперовской фальсификации, поскольку эксперименты здесь невозможны, понятия всегда исторически контекстуализированы, а доказательство осуществляется через примеры. История социальных наук должна рассматриваться не как кумулятивное знание, но как сосуществование и преемственность многих «языков описания», которые определяют теоретическую множественность в качестве обязательного условия [11].

В частности, история и социология специализируются на разных методологических полюсах. Социологи с их более развитой теоретической культурой могут помочь историкам лучше использовать и контролировать понятия, которые они выбирают в исследовании. В свою очередь историки здесь, чтобы напомнить социологам, что наиболее общие понятия, которые они предлагают, есть незавершенные абстракции, всегда отсылаемые к пространственно-временным координатам. Конфронтацией здесь ничего не выиграешь. Существует и еще одно взаимное напоминание – социологи историкам – о необходимости дистанции с общественным сознанием, историки социологам – что ни одна наука не может избежать «чисто социальных принуждений».

1990-е гг. становятся эпохой повального увлечения «социально» ориентированных французских историков концептами и практиками социологического исследования.

В исторической науке модели социального конструктивизма находят применение в новых направлениях социально ориентированной истории, пытающихся, в разрыве с прежними моделями, детерминирующими действительность категориями структур, обрести новую идентичность. Критика прежних моделей социально-экономического детерминизма и ментальностей вызывает к жизни несколько взаимосвязанных тенденций: возврата к источникам, вновь заостренное внимание к языку документов и к категориям социальных акторов. Целый ряд исторических исследований пытаются определить баланс между способами внутреннего или внешнего описания истории и логиками самого прошлого.

Эта рефлексия достигает различных результатов, полагает Симона Черутти [12. С. 229–233]. Некоторые работы анализируют словарь социальных акторов, чтобы понять их личные траектории в рамках социальной стратификации, они пытаются воссоздать системы внутреннего смысла в социальных классификациях прошлого, не пытаясь подчинить их социопрофессиональным категориям. Однако лингвистически ориентированное историографическое движение отныне активно пропагандирует «роспуск социального»: оно решительно отвергает любой анализ поступков прошлого в терминах, предполагающих рассмотрение опыта акторов и их интересов, материальных и прочих. В этом случае, анализы языка не служат отправной точкой к исследованию социальных процессов, которые его производят. Лингвистический поворот ставит под сомнение постоянство социального как контекста анализа, и даже предстает как способ преодолеть социологический детерминизм, который слишком долго характеризовал работы историков.

Некогда популярная в социальной истории система социопрофессиональных категорий вновь ставит вопрос о способах формирования различных социальных идентичностей. Речь идет не о том, чтобы опровергать принадлежность индивидов к профессиональным категориям, но проверять, как социальные связи создают общности и альянсы, и, в конце концов, стабильные группы. Разрыв между «дискурсами» и действиями неизбежно образует сложность для историка, который не может ее преодолеть, изолируя одну из двух сторон. Эта проблема не состоит только в том, чтобы воссоздать «то, что говорят» люди, способ, которым они интерпретируют мир, в котором живут, или идеологии, которыми они подпитываются, но равно понять, почему слова произносятся часто в противоречии с собственными действиями.

Данную точку зрения развивает один из ведущих теоретиков социальной истории Франции Бернара Лепти [13]. Он полагает, что текущий историографический момент отражает весьма существенную эволюцию исследований, центром которых становятся социальные акторы. Если ранее все модели объяснения в социальной истории фокусировались на рассмотрении структур – будь-то экономических – в версии Лабрусса-Броделя – или ментальных – в версии Ле Гоффа и Леруа Ладюри, – то теперь в качестве *объекта, аналитической модели* и *практики исследования* выступает именно актор.

Как *объект* исследования, актор рассматривается в контексте институтов, социальных идентичностей, социальных связей, территорий, которые вовлекаются в исследование только по мере необхо-

димости, применительно к конкретным изменчивым ситуациям, определяемым не глобальным развитием или коллективными репрезентациями, но потребностями согласия или несогласия, определяющими действия акторов. В результате становится возможным выявление конвенций, соглашений, образующих моменты стабильности в социальной жизни.

Как *аналитическая модель* социальное действие и актор вовлекают категорию времени, традиционно пренебрегаемую социальной историей – «короткое», событийное время. Такое почти «внутривременное» измерение отнюдь отменяет времени «большой длительности» модели Броделя, но предлагает рассматривать всерьез «время жизни» самого актора: глубины его памяти, горизонт его ожиданий, его отношение к будущему, его историческое сознание, то есть его способность жить в настоящем и задействовать опыт прошлого.

Перенося акцент на производимое действие, историк, по мнению Лепти, должен предпочесть *описание*, как способ презентации материала, *объяснению*, вернувшись, тем самым, к фигурам интерпретации традиционной истории. Это позволит отвечать на вопрос «как?», помещая действие в конкретно-историческую конфигурацию времени и пространства. И только затем, рассматривая действия в одном или множестве смысловых контекстов, в которых они были осуществлены, пытаться ответить на привычный для социальной истории вопрос «почему?».

Новую практику исторического исследования Лепти считает возможным только в рамках проекта междисциплинарности. Но, в отличие от предыдущего типа взаимодействия с другими науками, когда речь шла о синтезе сначала с географией, социологией и демографией, затем с антропологией, теперь в большей степени необходимы «парадигматические» альянсы, чуждые определенных тематических предпочтений.

И в этом новом проекте необходимо найти «золотую середину», с тем, чтобы избежать полной изоляции в рамках собственного предметного поля и одновременно не привести к редукции всего комплекса социальных наук к единому унифицированному состоянию.

Мнение Бернара Лепти выражает доминирующую в современной французской историографии точку зрения и формирует очертания самой влиятельной тенденции в социальной истории рубежа XX–XXI вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Noiriel G. Pour une approche subjectiviste du social // Annales ESC. – 1989. – № 6. – P. 1435–1459.
2. Langlois Ch.-V., Seignobos Ch. Introduction aux études historiques. – Paris, Alcan, 1897.
3. Durkheim E. Les régles de la méthode historuque. – Paris, Alcan, 1895.
4. Passeron J.-C. Formalisation, rationalité et histoire // Model et recit. – Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'Homme, 2001. – 528 p.
5. Simiand F. Méthode historique et science sociale. – Paris: Éditions des archives contemporaines, 1987. – 534 p.
6. Hauser H. L'enseignement des sciences sociales. État actuel de cet enseignement dans les divers pays du monde. – Paris, Maresq, 1903.
7. Carrard Ph. Poétique de la Nouvelle histoire: le discours historique français de Braudel à Chartier. – Paris: Éditions Payot Lausanne, 1998. – 244 p.
8. Delacroix Ch., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France, 19–20 siecles, Paris: Armand Colin, 1999. – 340 p.
9. Коркюф Ф. Новые социологии. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002. – 172 с.
10. Bourdieu P. Sur les rapports entre la sociologie et l'histoire en Allmagne et en France. Entretien avec Lutz Raphaël // Actes de la recherches en sciences socials. – 1995. – № 106–107. – P. 107–121.
11. Passeron J.-C. La raisonnement sociologique. L'éspase non-popperien du raisonnement naturel. – Paris, Nathan, 1991. – 246 p.
12. Serutti S. La construction des categories socials // Autrement. Passés recomposés. – 1995. – № 150–151. – P. 224–234.
13. Les formes de l'éxpérience. Une autre histoire sociale / Sous la dir. de B. Lepetit. – Paris: Éditions Albin Michel, 1995. – 472 p.